

Медея

Сборы были закончены. Начинала она их неохотно: она думала, что, быть может, на этот раз ей удастся обмануть ту силу, которая однажды заставила ее бросить дом и сделаться влюбленной странницей. Тогда это была не просто любовь. Это была жажда, рождавшаяся глубоко внутри. Она ползла вверх, к груди, потом сжимала горло и подчиняла себе ее тело, ее рассудок, не оставляя выбора, выталкивала на дорогу. И теперь, когда новенький Carleton был на две трети заполнен, она впервые за двенадцать лет снова почувствовала ее в себе. Последние вещи она бросала с какой-то неистовостью, едва складывая их, не заботясь о том, какими будут они на новом месте. Эта же сила, она знала, когда-нибудь поведет ее и к Великому Переходу. И тогда она не станет малодушно противиться своему часу, а радостно подчинится ей.

Сейчас она была даже немного благодарна Ясону за его измену: он снова разбудил в ней это состояние, когда все мысли, все действия становятся неотвратимы, сливаясь в один-единственный возможный шаг. Последние дни она ощущала себя просветленной. Она провела их в каком-то экстазе, который, однако, ей удавалось умело скрывать от посторонних. Она знала: желание, боль, страдание, как, впрочем, и любовь, делали ее совершенней. И она не боялась их.

Годы, отданные Ясону, опустошенная случайным хирургом матка и разговор бесплодия. Все это стало для нее каким-то одним событием, цельным эпизодом ее жизни. Полоски лиловых, не бледнеющих пока шрамов на запястьях — еще одно напоминание об этом. Изрезанные вены — неизбежный след неистовств сердца менады — теперь казались ей чем-то обычным. Ее ярость прошла. Да и едва ли она хотела умереть в тот бесконечный, словно застывший вечер, когда после двух бессонных ночей, закрывшись в ванной, неотточенным лезвием кромсала свое тело. Наверное, это была всего лишь еще одна попытка досадить ему — как бы там ни было, он оставался единственным человеком в этом мире, для которого она что-то значила. Тогда она испугалась вида своей крови и позвала на помощь.

В такие минуты мысли оставляли ее. Они становились совсем незначительными и, мелькая в ее сознании, словно отбивали ритм ее одержимости. Вместо них могли быть другие, сходные по звучанию, противоположные по значению. Их голоса собирались где-то внутри, льнули друг к другу, постепенно выстраивая опору для ее новых скитаний. Наспех со-

чиненные заклинания, — возможно, без них было бы намного труднее делать то, что она должна была делать.

Она остановилась над полузакрытым чемоданом. Она надеялась, что он будет полным, и ей придется хорошо постараться, чтобы его захлопнуть. Туго набитый чемодан, так, что даже его пластиковый корпус немного раздут, — допустимая и доступная иллюзия благополучия. Его можно было бы непринужденно-гордо катить за собой по долгим переходам между терминалами гигантских аэропортов. Но ее чемодан оставался неумолимо пустым, оскорбленным своей незаполненностью, все равно что порожние амбары у нерадивых хозяев, как выскобленная утроба у отказавшейся от детей женщины. Поэтому она некоторое время медлила, перед тем как его захлопнуть: она искала что-нибудь еще, последнюю мелочь — спасение от незавершенности пространства. Но больше так ничего и не попало ей на глаза и, в конце концов, почти одновременно щелкнули оба замка. Этот звук был как удар кнута для начинавшей было замедлять бег лошади. Он был насквозь пропитан скорой дорогой. Она подумала, что было бы неплохо, если бы кто-нибудь сейчас смог нарисовать ее, одну над чемоданом. Нарисовать просто, по-старомодному, без экспериментальных умствований и ультрасовременных уловок. Словно старые мастера заслуживают только презрения, обычная соразмерная фигура на картине больше не может быть прекрасной, и жизни достойны только огромные косолапые идолы, какие видела она во времена невозвратно варварские на своей родине, и которые теперь неумоимо бродили по полотнам преуспевших художников. И неужели, для того чтобы передать ее безутешность, необходимо изуродовать ее тело, наделив несоразмерными пропорциями, неужели нельзя сказать о ее горе сдержанными красками, правдивыми формами, линиями такими же, какие находим мы каждый день в природе?.. Она вдруг испугалась неуместности своих мыслей в такую минуту. Словно кто-то и вправду начал разглядывать ее со стороны, размышляя вслух над ее чувством.

Вошел курьер, и она отвлеклась ненадолго, заполняя квитанцию и отсчитывая ему две драхмы.

— Во дворец Креонта, для его дочери, — сказала она.

Курьер сдержанно поклонился, принимая от нее небольшой сверток. Потом она снова осталась одна и с облегчением обнаружила, что ее жажда не покинула ее. Появление постороннего человека не изменило ее настроения и теперь уже ничто не смогло бы отвлечь ее от недавнего замысла.

Ей оставалось несколько часов в Коринфе. Недавно построенная галера Эгея ждала ее: они отплывали ночью. Теперь же стремительно окончен-

ные сборы обрели ее на бездействие. Больше она ничем не могла занять себя и теперь, оставшись один на один со своей жадой, она впервые почувствовала страх. Она не знала, сумеет ли не сжечь себя за это время. Воображение ее снова начинала бить дрожь. Она подумала, что на этот раз не смогла бы вынести темноту. Подземелья ночи, лабиринты часа перед третьей стражей, последнее усилие мрака перед рассветом — она проходила их одна, окруженная выдуманными существами. Фантазия, вырвавшаяся за стены традиций. Вот так и становятся ведьмами, заклинательницами чудовищ, неприютными служительницами Гекаты. Все это происходит только от больших несчастий, от безысходности одиночества. Самого страшного одиночества, когда рядом тот, кого ты любила, и когда он уже не с тобой, когда он только лишь тень, заблудившийся посланник Аида. Тогда по ночам ей было еще тяжелее. Он не говорил с ней неделями, убегал от ее взглядов, и Медея постепенно, в тишине, избывала свою ярость. Вместо того чтобы попытаться все забыть, она снова и снова со странным упорством саморазрушения возвращалась назад к годам их любви, ко времени своего служения Ясону.

Двенадцать лет назад оставить дом ради него показалось ей такой мелочью... Но потом, в дороге, ей часто становилось трудно и страшно из-за своего выбора и ожидания неизвестности. С ним ей казалось все новым, и она была уверена, что у тысяч других влюбленных происходило все иначе и что никто не смог бы понять их чувств. Ясон был неумел и тороплив в любви, и первые месяцы им пришлось многому обучать друг друга. Но тогда он надолго сделался ее богом. Через десять лет тело его почти не изменилось, все мышцы были по-юношески упруги, только немного заострилось лицо, и порою на него налетало выражение какой-то пустоты и беспомощности, с которой он пока еще умел справляться. Но когда они опять оставили недавно обустроенный дом в Иолке, он уже не мог скрыть своего страха и, сохранив физическую силу, не сумел удержать в себе давний задор и отвагу, с какой когда-то бросился познавать страну Медеи. Теперь его атлетические совершенства были бесполезны. Вдвоем они узнали бедность так же, как когда-то узнавали любовь. Каждое утро они начинали с того, что он подолгу облачался в один из своих великолепных, но уже не новых костюмов, купленных в лучшие времена. Он тщательно осматривал сорочку — выглажена она должна была быть безупречно, — по несколько раз перевязывал галстук, надевал, наконец, пиджак и на какое-то время замирал перед зеркалом, точно в беззвучной молитве к благосклонной когда-то Киприде. И всякий раз Медея, просыпавшаяся раньше его, подходила к нему и гладила его плечи, спи-

ну. Иногда, глядя на него в эти минуты, она вспоминала, как когда-то давно накануне битвы с воинами, рожденными из зубов дракона, он на рассвете натирал волшебной мазью свое тело, как надевал нагрудник и бронзовый шлем, перед тем как отправиться к полю Ареса. Движения его не изменились: повязывал галстук и натягивал доспехи он с одинаковым видом монументальности. Потом, до верху наполнив старенький портфель брошюрами, втиснув в него старомодный ноутбук, он уходил на поиски клиентов. Дни, проведенные в ожидании, — казалось, их и не было в его жизни. Ждать — значит обрекать себя на потери, говорила ему Медея. Но он не слушал ее и продолжал дожидаться небывалой решающей сделки, призванной обеспечить их на годы. Очень часто, когда их древний *Chevrolet* на недели застывал в мастерской на городской окраине или когда не было денег оплатить бензин, он добирался до своих возможных заказчиков с многочисленными пересадками, не позволяя себе такси. Он делал это терпеливо, с высокомерной покорностью выстаивая очереди на остановках маршрутных микроавтобусов. В такие дни, когда он возвращался домой, Медее приходилось чистить его костюм от городской пыли, случайных пятен и чужих нежеланных прикосновений: на следующее утро он должен быть готов к новым скитаниям по офисным коридорам. А потом его допустили во дворец Креонта. Оттуда он вернулся другим, словно ему удалось стать там постояльцем или получить работу. Так или иначе, казалось, что он уже поселился в причудливом сплетении коридоров дома правителя Коринфа. Раньше, возвращаясь с улиц, он не приносил на себе ничего, кроме унижений и разочарований. Сейчас с ним в их дом пришла ухмылка, презрение, и всего лишь за один-единственный день, из-за одной встречи с управляющим Креонта, из-за нескольких слов, которыми удостоил его царь, он стал ей совсем чужим. В ту ночь ей приснилось, что она долго шла по серпантину незнакомой трассы, изредка ее оглушали спешащие к перевалу автомобили, и тогда она прижималась к скалистому склону. Она шла к гостинице, в которой ее никто не встретил, где она осталась совсем одна и потом в номере три недели прождала звонка от Ясона. Но он так и не позвонил. Утром ей впервые за несколько лет сделалось по-настоящему страшно. А к полудню вместе с застоявшимся июльским зноем запах разрыва прокрался в их комнату. Когда же она узнала о Креусе, несмотря на то, что даже привыкший к таким дням город задыхался от небывалой жары, ей вдруг стало холодно, точно в один миг остыла ее кровь. Она перестала чувствовать свои пальцы, ноги больше не слушались ее. Первые несколько минут она не могла пройти из гостиной в спальню, и потом этот путь показался ей одним из самых трудных в ее

жизни. Когда, наконец, ей удалось опуститься на кровать, ей вдруг сделалось смешно. Она смеялась над его изменой. В ней все было так просто, предсказуемо и мелко. Совсем как в тысячах других измен, о которых она слышала или читала когда-то. Об этом она могла бы догадаться и сама, не дожидаясь телефонных сообщений от посторонних людей, радовавшихся новым унижениям таинственной, необъяснимой чужеземки. Впрочем, все это она знала и без сочувственных подсказок, тогда только ей не хватило смелости отпустить надежду и сказать себе: Ясон больше не был ее. Теперь она долго смеялась над своим оскорблением. Потом смех сменили рыдания, едва сгибающимися, точно окаменелыми пальцами она вцепилась в волосы. Она попыталась бежать на улицу, но ноги не держали ее, и, подскочив, она тотчас снова упала на их опозоренное, обманутое ложе. Дальше наступило беспамятство.

Вернувшись домой, он лгал ей, убеждая, что все это неправда, и она чувствовала его ложь как что-то живое, словно жалкое насекомое, похожее на скользкую суетливую сороконожку, изо всех сил цепляющуюся за каждую возможную опору. После нескольких часов, обессиленная, Медея уступила ему. Она была слаба настолько, что позволила ему любить себя. Потом ночью она видела, как новые, неизвестные ей люди, тысячи людей, в сумерках будущего — каким-то образом она догадалась, что видит время, которое придет еще нескоро, — в ужасе повторяли ее имя. А утром она почувствовала, что беременна.

Рассудок подсказывал ей простую хитрость: не докучать мужу сценами, проклятиями, истериками, оскорблениями, а только лишь молча, покорно ждать окончания его увлечений, храня в себе его семя. Но она не смогла этого сделать, и когда к ней попали новые свидетельства его предательства, когда она узнала, что он даже подумывает о скором разводе и браке, в ней не осталось ничего, кроме ярости.

Она видела, что он не любил Креусу. Просто она оказалась рядом, когда он впервые по-настоящему почувствовал себя усталым. Когда-нибудь это должно было случиться. Рано или поздно это происходит с каждым и каждой. Даже самый сильный мужчина рано или поздно спрашивает себя: а стоит ли все это моих усилий? Неужели нельзя жить по-другому, не доводя себя до последних границ усталости, когда к концу дня начинаешь забывать самые обычные слова, когда простой автомобильный гудок кажется немилосердным ударом грома, когда вечером невыносим даже голос любимой. И тогда подкрадывается мечта о другой дороге, мечта об измене, желание остановиться, передать другим свою ношу. Тогда тотчас

появляются заботливые жены, невесты, готовые принять героя, окружив его наследственной роскошью, обезопасив родительскими деньгами. Искушение перейти в новый период жизни — в эпоху великого отдохновения — становится непобедимым. Остается только выдумать любовь. Теперь Медея не знала, тогда в Колхиде, любил ли ее Ясон, или же она была только лишь проводником в своей стране, забавная и полезная дикарка, живущая морем и тайнами предгорий. Может быть, ему просто было интересно с ней открывать ее землю. И теперь Креонт должен был стать тем, чем был ее отец двенадцать лет назад, оказавший помощь чужестранцу и его друзьям.

Иногда она все-таки заставляла себя немного остыть, хотя бы на время отказаться от воспоминаний, и пыталась поговорить с ним. Сначала он отвечал ей прежним молчанием и стремительно растущим раздражением, которое вот-вот должно было вырваться наружу, и ей нравилось понемногу досаждать ему, сплошь покрывая его мелкими укусами своих слов. Пройдя обследование и убедившись, что у нее двойня, она решила как можно дольше не говорить ему об этом. Но однажды, когда он ответил ей яростными оскорблениями, словами, которые она никогда не должна была бы от него услышать, она почувствовала, что теперь уже все совсем близко подошло к концу.

— Ты знаешь, больше мы не одни, — сказала она. — Во мне живет твой ребенок. Вернее, два. Обследование вчера показало, что у нас, наконец, будет двойня. Это великий знак, Ясон.

— Ты врешь, ведьма.

— Ведьма? Вот как! Раньше ты всегда был рад тому, что я могу то, что не могут другие. Сколько раз ты просил меня о помощи, Ясон? Нет, милый, я не лгу тебе. Я никогда не лгала. Вот заключение, — сказала она, протягивая тонкую папку с одним-единственным листом.

Она думала, что ей будет радостно наблюдать его смятение, но ее насколько не тронул взрыв его глаз, дрожание губ и рук.

— Ты, ты должна оставить их, — прошептал он.

— Почему? Чтобы пустить в мир еще нескольких несчастных с клеймом безотцовщины? Или чтобы продолжить твой род? Кто знает, а вдруг Креуса бесплодна, и ты умрешь бездетным?

— Молчи, молчи, Медея, ты подделала эти бумаги, чтобы мучить меня.

— Это нетрудно проверить, Ясон.

— Но если это так, клянусь, я обеспечу их. Где бы они ни жили, я не оставлю своих детей. Ты будешь в лучшей клинике, я смогу убедить Креонта.

— И ты смеешь мне это говорить? Ты смеешь клясться, клятвопреступник? Ты еще смеешь о чем-то просить меня?

— Да, Медея. Ты больше, чем жена для меня. Ты уже моя родня. И я люблю тебя по-особому, совсем не так, как Креусу.

— Мне жаль этого, Ясон. Я всегда хотела быть только женой для тебя. Только женой. Любимая женщина не может быть для мужчины больше, чем женой. Тебе оказалось мало жены. Я не хочу упрекать тебя, Ясон, но я оставила все ради тебя.

— Ты всегда знала, что я могу встретить другую. Кроме того, что оставила ты? Дикую страну третьего мира? Да, дела у нас пошли плохо, но на все нужно время. Нужно время, чтобы состояться на новом месте. У тебя в руках паспорт моей родины, а это значит, у тебя в руках свобода.

— Свободной я была дома, Ясон, когда перед восходом солнца шла из нашего дворца вниз к морю, когда потом заплывала на дальние выступавшие из воды камни и оставалась там до полудня, пока солнце не становилось нестерпимым. Приплыть туда нужно было непременно первой, иначе потом это место могло оказаться захваченным другими поклонниками моря. Укрепившись на нем, я ныряла глубоко, к самому дну, и у основания утесов собирала больно резавшие меня мидии, которые потом мы с отцом жарили прямо на раскаленных углях. Да, я была дикарка, девчонка, но мне нравилась моя участь. У моего отца был большой дом с белоснежными портиками и широкими воротами, всегда открытый для всех. Ты ведь помнишь его, Ясон? Мы никому не могли отказать в гостеприимстве. К нам часто заходили моряки, и я слушала их рассказы о твоей земле и еще о многих других странах. И тогда, увы, мне начинало казаться, что мне недостаточно моего города, моего моря, моего народа. А потом пришел ты, и мы приняли и тебя. Ты был точно продолжение рассказа одного старика капитана. И я отдала все, ради того чтобы быть с тобой. Но я не упрекаю тебя в этом, Ясон. Я долго, очень долго была с тобой счастлива. Наши дни странствий, полуразрушенного, невозможного быта, бесконечные когорты недоброжелателей — ничто не могло нарушить моего счастья. Я могла бы прожить с тобой всю жизнь на какой-нибудь одинокой скале, обдуваемой Бореем, покрывающейся льдом зимой и готовой расплавиться от солнца летом. Поверь мне: это не пустые слова. Так я чувствовала тогда. Мне ни до чего не было дела, я думала только о тебе и о том, как продлить наше счастье, как сохранить его. О большем я и не мечтала. А теперь вспомни, как ждали мы этих детей. И вот ты отнимаешь их от меня.

— Что за чушь! Я все сделаю, чтобы они были счастливы, чтобы роды прошли благополучно.

— Нет, Ясон. Об этом позабочусь я сама.

— Ты не смеешь...

— Уходи, уходи, Ясон. Зачаты они были не в любви, а в отчаянии. Ты даже не можешь себе представить, как мне было больно в ту ночь. Я всегда хотела этого, как же я этого хотела... Но ты все испортил.

— Обычные слова капризной девки.

— Уходи, Ясон. Просто уйди от меня, хотя бы ненадолго.

— Я не хочу, чтобы ты...

— Убирайся, предатель!

Ее крик разорвал безмятежность улицы под их открытым окном. Соседи, жадные к чужим скандалам, тотчас ответили несколькими ударами по трубе отопления. Ясон судорожно взмахнул рукой, попытался что-то сказать, но, передумав, выбежал из комнаты. Хлопнула дверь, и его шаги замерли на лестнице. Медея опустилась на их кровать, обреченную теперь на одиночество. Я снова с тобой, ночь. Приглушен свет фонарей, он несколько не тревожит нас. Сейчас легко поверить в его нерукотворность. Он не мешает тебе, Луна, опуститься на улицы города, которому уже не суждено стать моим.

Неужели все так просто? Ему нужна молодая жена, а мне — надежная опора? И мы, наша любовь, которая всегда казалась мне необыкновенной, проходит заурядный, общий для всех путь. Печальную дорогу умирания, поиска возможности приспособиться к этому миру, уступить ему, добиться от него поблажки, уюта. Нет, нет и нет. Этого я не хочу. Начало наше было невероятным, таким же будет и конец. Отнять и это у меня он не сможет.

Гнев Медеи прошел, и теперь она улыбалась тихой нежной темноте ночи. В этот час она особенно хорошо чувствовала новую жизнь внутри себя и понимала невозможность ее сохранения.

После аборта ей сказали, что она никогда не сможет иметь ребенка. Она предчувствовала это и приняла новость как-то устало, горько улыбувшись своей обреченности на всезнание. Тогда, после детоубийства, ей захотелось убить и себя, но, наверное, у нее не хватило ярости, необходимой для саморазрушения.

Вокруг Медеи всегда жил мир, не замечаемый другими. Он обволакивал ее, тянулся за ней, иногда крался, стараясь обмануть даже ее, убедить в своем несуществовании, часто приносил ей боль, но чаще — спасение от

заурядности дней ее немногих знакомых. Еще в детстве она поняла, что ее жизнь будет другой, интересней и намного трудней, чем у встречавшихся ей людей. Этот мир не оставил ее, когда они вместе с Ясоном поднялись на "Арго". Он только сделался невидимым на короткое время. Теперь он снова был с ней, помогая изжить ее горе.

А потом появился почтенный, не в меру разбогатевший Эгей, которому мудрость подсказывала не спешить с Медеей, оставить ей еще немного времени для мучений, чтобы потом тем вернее был их союз, тем крепче держалась на нем маска спасителя. Свои ухаживания он предлагал ненавязчиво и неторопливо, богатства открывал постепенно, ненароком подъезжая на новой машине, сдержанно приглашая в очередной из принадлежавших ему ресторанов, случайно проговариваясь об этом перед десертом. Первые дни она почти все время молчала, ей еще трудно было говорить, еще оставались швы на запястьях, и в ее огромных глазах, как отражения облаков в озерах, стояли слезы. Она часто не слушала его, и когда он обращался к ней, не знала, что ему отвечать.

— Деньги никогда не были для меня целью, — говорил он ей. — Родители мои были людьми состоятельными, и работать я начал, просто чтобы чем-то занять себя. Я мог полюбить тогда кого-нибудь и посвятить свою жизнь другому человеку, но Афродита не была милостива ко мне, и я подобрал себе занятие попрозаичней. К нему я быстро привык, мне нравилось, когда приходилось работать даже в выходные, нравилось засиживаться допоздна в офисе или на переговорах. Женщины, которые были тогда со мной, задерживались ненадолго, и я не прилагал никаких усилий, чтобы остановить их. Уход их был безболезненным и скорым, и на следующий день я уже едва помнил о них. Потом, спустя несколько недель после очередного расставания, неминуемо происходила новая встреча без всяких стараний с моей стороны. А потом я купил первый дом, неподалеку от центра нашего города, потом открыл первый ресторан. При крушении местной судоходной компании ко мне попали две триеры, и они стали ходить за рыбой на далекий берег Понта. Туда мы отправляли вино. Первое время меня тяготило то, что приходилось общаться с людьми грубыми, необразованными, но потом я привык и принял это как еще одно из условий игры. В конце концов, в коммерции пока еще тоже возможно оставаться художником, небольшим, но все-таки творцом.

Потом его старания, наконец, добились ответа от ее тела.

Ляжки ее были худыми, сухими, и когда его бог ворвался в нее, она почувствовала его тепло до самой кожи. Он был немолод и он любил ее не

так, как прежде любил ее Ясон. Он входил в нее уверенно и как-то тяжело, отбрасываясь назад всем телом, точно хотел уйти от нее, оставить совсем, как оставляют надоевшее воспоминание или промокшее полотенце. А потом он возвращался, каждый раз немного другим, посвежевшим, с новой силой проваливаясь в нее. Сначала ей было все равно, ее покорность была не более, чем благодарность за многие усилия его любви. Но очень скоро она почувствовала внутри себя радость, она снова была женщиной, способной испытать наслаждение. Это чувство возвращалось к ней долго, издалека, словно сорвавшийся с вершины огромный камень, вобравший в себя падения тысяч других камней так, что у подножия они становились одним потоком. Точно так же это чувство втянуло в себя тысячи других мелких незначительных ощущений, случайных быстротечных мыслей, образов-вспышек из последних прожитых дней, не оставляя ничего, кроме страха, что она может не успеть, что все оборвется, пока она еще не дойдет до главного. А потом взрыв радости и небытия, град слез, когда все-таки ей удается это сделать.

Тело его пахло совсем не так, как у других знакомых ей мужчин, которых, впрочем, было совсем мало. Ей всегда бывало достаточно представить кульминацию любовного знакомства, не доходя до нее. Иногда доводить все до конца казалось ей скучным, пригодным только для людей заурядных. По первым двум-трем часам встречи можно с точностью нарисовать ее последние минуты, говорила она. С Ясоном же все было иначе. С ним она впервые захотела пройти все, пройти до конца. Он был другим, и, наверное, только его она любила и могла бы любить в своей жизни. Но думать об этом сейчас было поздно.

После этой ночи с Эгеем Медея позволила Ясону узнать об их любви.

— Ты просто другой, Ясон. Ты боишься привязать себя к кому-то. Ты не умеешь любить.

— Тебе нравится любовь старика?

— Он не старик. Старик — это ты, Ясон. Ты им стал давным-давно. С первым приступом трусости ты превратился в древнего старика.

— Что ты несешь, Медея? Я молод и силен, как никогда. А ты просто шлюха, жалкая кокотка с черной душой! — крикнул тогда Ясон.

Медея оставила его слова без ответа. Больше она не хотела спорить, почувствовав внутри зарождение той жадной решимости, которая должна была принести ей освобождение. Главное теперь было ничем ее не нарушить, довести все до предела, когда каждый шаг, каждая мысль, каждый вздох безупречен и необратим.

На следующее утро Медея приняла предложение Эгея вместе с ним покинуть Коринф. У нее почти не осталось денег в банке, но все-таки на скорые скромные сборы должно было хватить. Так и появился в ее спальне новенький пластиковый *Carleton* — на чемодане она решила не экономить.

Два дня Ясон пролежал в предоставленной ему Креонтом комнате во дворце, все сильнее упиваясь ощущением своей бесприютности. Потом он обо всем рассказал Креусе.

— Чего же хочет она? — спросила принцесса. — Она преувеличивает, превозносит свое страдание. Она помнит только себя. Разве виновата я, что полюбила тебя? Разве моя вина в том, что я родилась позже Медеи, что я узнала тебя, когда ты уже был с другой женщиной? Мне нравилось твое тело, твои плечи, волосы на груди. Всякий раз, когда я видела тебя, я бывала тронута твоей мужественностью и потом часто подолгу не могла заснуть. Фантазии мои были не такими уж невинными, и мне бывало стыдно за них. Потом мне до спазмов стало хотеться тебя. Мое желание доводило меня до мигрени, целыми днями после наших случайных встреч я только и думала об этом, о твоем теле и о чем-то еще, о чем пока не имела никакого представления.

Креуса говорила спокойно, словно обращаясь не к Ясону, а к какому-то идеальному, выдуманному слушателю — мечте всех тех, кто борется со своим горем. Но последние слова она произнесла, глядя ему в глаза, как искусленный заклинатель и чародей:

— Ты должен помнить: я всегда, всегда буду любить тебя. Рядом ты или нет, для меня не имело никакого значения. Но теперь я не могу оставить тебя этой женщине. Без тебя мне не жить. Я уничтожу себя, если нам придется расстаться. Мне немного страшно от этой мысли, от своей решимости, какой я никогда раньше не знала, но по-настоящему мне страшно за тебя. Говорят, Медея ведьма. Даром что у нее голубые глаза и волосы цвета молодого солнца. Нам осталось всего несколько шагов к нашему счастью. Не позволим же ей его разрушить.

Ненадолго Ясон успокоил себя словами Креусы. Выйдя из дворца, он отправился в ателье. Свадебный костюм был готов, и примерка немного отвлекла его. Он попытался еще чем-нибудь занять себя, выдумать небольшое развлечение, чтобы как-то дотянуть до вечера, а потом до ночи, когда рано или поздно к нему придет сон, но невольно ноги его вели к дому, где они жили с Медеей. Несколько раз ему удавалось уклониться в сторону, выйти на набережную, остановиться в таверне в соседнем квартале, однако, в конце концов, знакомый дом надвинулся на него.

Медея не заметила, как вошел Ясон. Она была так далеко, что даже не нашла сил поздороваться с ним. Она только кивнула и вдруг поняла, что в ней больше не было к нему ни любви, ни ненависти. Ничего, одна пустота, которой, наверное, он и добивался от нее так долго, так жестоко.

Ясон опустил в старое кресло перед их кроватью. Конечно же, он не посмел взглянуть ей в глаза. Он смотрел в сторону, в темнеющий угол их спальни и был так растерян, что не заметил пластиковую глыбу собранного чемодана. Говорить он начал медленно, осторожно, словно был не уверен в том, что он хотел сказать:

— Что-то остановилось в этом мире, Медея. Мир, который я знал, умер. Я не понимаю этого, но почему-то последние два дня я думаю о смерти. Какой-то холод пробирается в меня. Ты убила наших детей, смертью должна быть ты, но иногда мне кажется, что ее холод идет ко мне от глаз Креусы. Совсем юная, впервые полюбившая дева и смерть, застывшая в ее глазах. И тогда мне становится страшно. Я люблю ее, но мой мир, мой старый мир уходит от меня. Может быть, это умирает наш мир, Медея? И наверное, тебе я не должен этого говорить, но я боюсь, что на смену ему не придет ничего другого.

Медея улыбнулась.

— Не бойся, Ясон. У тебя будет новый мир. Исчезновение и возвращение мира — невидимо для наших глаз, — все это происходит каждое мгновение. Нам кажется, что ничего не изменилось, что все осталось таким, каким было и час, и год назад. На самом же деле, за время этого нашего с тобой разговора мир успел умереть, сгореть и родиться тысячи раз. А вместе с ним умирали и рождались и мы. Когда-нибудь и ему, и нам не удастся вернуться. Когда-нибудь, странствуя по дорогам Истма, ты снова увидишь постаревший, лишенный моря "Арго", и ты приляжешь отдохнуть под его кормой. Ты заснешь и во сне увидишь все снова. Ты увидишь, как по настоянию Пелия всходили вы, молодые герои, на только построенный корабль, увидишь Лемнос и прекрасную Гипсипилу, снова согнутся ваши весла у Симплегад, и Афина удержит смертоносные скалы, услышишь пение Орфея и снова под вечер войдешь в устье Фасиса, чтобы на следующий день увидеть меня. Все повторится до мельчайшей подробности. Поэтому скажи мне, что есть смерть, Ясон? Моя любовь уходила от меня и приходила снова миллионы раз. Прости за мелодраматичность, мне, наверное, не пристало выражаться таким образом, но ты — любовь всей моей жизни, а я твоей. И ты это знаешь. Ты все это знаешь. Ты, словно мальчик, мечтаешь о бесконечной эйфории. Но в любви так не бывает. У любви

есть затишья и есть ураганы. Сейчас с Креусой у тебя время великих бурь. Но оно закончится, и ты поймешь непоправимость своей ошибки. Самое смешное — это то, что ты все это знаешь сам. Ты очень хорошо знаешь, что тебе еще не поздно было остановиться. Ты чувствуешь, что свое увлечение Креусой ты выдумал сам. Выдумал, потому что не мог больше вынести нашей любви. Но тебе было бы лучше потерпеть еще. Иначе твои мучения будут хуже боли одиночества. Та точка, вечная граница, за которой начинается крушение нашего мира, ты еще не перешел ее. Ты все еще топчешься на ней, потому что очень хорошо понимаешь: дальше конец. Оттуда, куда ты собрался, возврата нет. Мы просто умрем друг для друга. И в тебе толпятся сомнения. Несчастный Ясон, ты сам выстроил для себя свое горе. Кровь наших не родившихся детей на твоих руках. И знай: ты умрешь бездетным. Желание запустить в нее своего страуса и попользоваться золотом ее отца — это еще не любовь, Ясон. Мне жаль ее. Я могла бы приворожить тебя, сделать так, чтобы ты об этом никогда не догадался, но я оставляю тебе свободу.

— Ты обезумела, Медея. Твое спокойствие тревожит меня больше, чем твои недавние истерики. Ты совершенно безумна, колдунья.

— Прощай, Ясон. Ты добился того, что ты хотел: теперь мне все равно. Ты стал мне безразличен, Ясон. Ты дал мне самый желанный из всех даров — панцирь неуязвимости. Теперь прощай и живи так, как хочешь. Иди в свой новый мир. Иди и ищи его.

Когда Ясон ушел, Медея еще раз проверила чемодан и, едва оглядев комнаты, которые так и не стали их домом, вышла на улицу. По мостовой застучали колесики ее *Carleton*. Лагуна, где ждала галера Эгея, была всего в одной стадии, и она прошла туда сама, без помощи рабов-носильщиков, не думая о том, что в последний раз идет по улице, на которой она любила, любила так, как и на многих других, так, как уже любить она не будет. Она не смогла бы сказать, о чем думала тогда, сознание ее молчало, и она слушалась только своих ног и пальцев, упрямо сжимавших чемоданную ручку. У трапа ее встретил телохранитель Эгея, и как только она поднялась на палубу, портовый служитель горбун отдал швартовый. Галера стала отходить от причала. Позади себя Медея почувствовала Эгея.

Город с подошедшими к самой воде домами удалялся от нее, словно чья-то рука убирала со сцены старые декорации. Это было мало привлекательное место на набережной, едва украшенное тусклыми огнями, с чернеющими гротами между домами, вытянутыми причалами, с двумя-тремя зрителями у пирамиды маяка, с гигантской, внушавшей ужас

статуей Посейдона. Через несколько минут их галера повернула вправо, и набережная скрылась за громадой почти неосвященного дворца Креонта. На минуту Медея представила заумное устройство его коридоров, сумрачные залы, безлюдные перестили. И она подумала, что не может понять, почему польстился на них Ясон, благородный, способный на великое Ясон. В нем никогда бы он не смог обрести уюта. Потом, качнувшись несколько раз, исчез и дворец, и очень скоро о городе, отобравшем у нее Ясона, напоминали всего лишь редкие сполохи, и тогда Медея покорно опустилась на руку Эгея.

Во дворце было пустынно и тревожно, и от этого Ясону сделалось еще тяжелее. Он искал Креусу. Теперь для него она была больше, чем просто полюбившая его девушка. Теперь для него она была спасением. Он все сильнее ощущал внутри себя страх, готовый в каждую минуту обратиться в заурядную дикую панику, какой он не испытывал никогда, даже перед самыми опасными неравными схватками, даже тогда, когда он держал удар медноногих, дышащих пламенем быков Ареса. Он носился по темным комнатам дворца и ему казалось, что он сам вот-вот превратится в крик, какой издает погибающий мужчина — мужчина, потерявший надежду. Наконец, ему удалось встретить одного из людей Креонта.

— Принцессе нездоровится. Она уколола палец, — сказал слуга.

Когда он вошел в спальню, Креуса спала, беспокойно и как-то тяжело вздрагивая. У нее начинался жар. Красные пятна то вспыхивали, то затихали на ее лице и выброшенной из-под одеяла руке. Указательный палец был забинтован и казался каким-то чужим отростком на ее теле, точно вдруг выросшим коконом, из которого вскоре должно было развиваться новое существо, плод их поспешной любви. На туалетном столике стояла когда-то подаренная им Медее диадема с вечным зачаровывающим орнаментом "меандр" — недорогая копия известного шедевра несчастного дизайнера-содомита.

